

ПРЕДИСЛОВИЕ

Диаграммы давно и достаточно широко используются этнографами в исследованиях явлений родства. Однако ранее метод диаграмм применялся факультативно, поскольку считался лишь одним из способов записи терминологий родства. Вероятно, это мнение основано на том, что до сих пор не накладывалось ограничений на произвольность алгоритмов при решении задач, связанных с пониманием механизмов отдельных систем родства. Между тем диаграммы из *иллюстрации*, помогающей закрепить в уме результаты, достигнутые помимо них, уже давно превратились в *способ доказательства*, успешно применяющийся в самых различных отраслях науки.

Довольно стойкое предубеждение против метода диаграмм со стороны некоторых специалистов выражается в полном отрицании их эвристической ценности или, по крайней мере, в ограничении их возможностей использованием просто в качестве иллюстраций к тексту, несущему главную смысловую нагрузку. Такое отношение кажется удивительным, поскольку в этнографии данный метод стал применяться гораздо раньше, чем в других отраслях знания, которые иногда объединялись под названием «социальные науки».

Как верно заметила О.Ю. Артемова, в части изучения австралийских систем родства Элькин развивал идеи Рэдклифф-Брауна [Артемова 2009: 308]. То же самое можно сказать о других австраловедах как в прошлом, так и в настоящем. Но это означает, что в известном смысле все австраловедение держится на использовании метода диаграмм. И не только австраловедение. По Н.Дж. Аллену, обсуждение проблем типологии «почти неизбежно сопряжено с начертанием схем» [Аллен 1995: 26–27]. В западных учебниках прямо говорится: построение диаграмм родства — это то, что необходимо уметь делать каждому студенту [Барнард 2009: 147].

Метод схематизации можно усовершенствовать с помощью понятия графа. Никос Кристофидес дает очень простое определение графа: «Часто бывает полезно и наглядно изображать некоторую ситуацию в виде рисунка, состоящего из точек (вершин), пред-

ставляющих основные элементы ситуации, и линий (ребер), соединяющих определенные пары этих вершин и представляющих связи между ними» [Кристофидес 1978: 5]. Идея теоретико-графового подхода в общем виде звучит так: правильно построенная диаграмма (граф) сама по себе есть анализ отображаемых явлений.

Под правильно построенной диаграммой следует понимать графическую систему, удовлетворяющую двум условиям. Во-первых, она должна обладать свойством обозримости (ограничение на сложность), во-вторых — свойством изоморфности (ограничение на произвольность). Последнее предполагает, что решение задач в пределах знаковой системы ее собственными средствами есть способ решения задач, лежащих вне данной знаковой системы, т.е. в той области, отражением которой данная система выступает [Грязнов 1982: 66–67].

Из соответствия (изоморфности) знаковой системы и отображаемого класса явлений, в свою очередь, вытекает свойство нетривиальности заключенной в ней информации по отношению к изучаемому классу явлений. Другими словами, формализованная система должна говорить «больше, чем она значит» с формальной точки зрения. Нельзя при описании того или иного явления узнать о нем нечто новое путем простой замены одних знаков, скажем, терминов естественного языка, на другие — в виде букв, цифр или специальных значков. В познавательном аспекте удобство метода построения диаграмм заключается в извлечении из предмета исследования новой информации с соблюдением строгой (общезначимой) научной процедуры.

На более ранних этапах изучения вопроса автор рассматривал понятия графа и диаграммы как синонимичные (в значении «графическое изображение»). Однако в ходе дальнейших исследований стало ясно, что во многих случаях эти понятия следует разграничивать. Диаграмма, если сравнивать ее с графом, есть такое графическое представление, которое в качестве средства оценки соотношения обсуждаемых величин носит *менее абстрактный характер*, включая *более двух символов разной материи*, например, с одной стороны, геометрические объекты (точки, линии, фигуры), с другой — условные обозначения, заголовки, части текста, входные строки или столбцы таблиц и т.п. Принципиальное отличие диаграммы (собственно рисунка) от графа состоит в том, что не существует единых правил преобразования (синтаксиса), позволяющих создавать

новые диаграммы без обращения к внезаковой реальности *в каждом отдельном случае*, когда возникает необходимость упорядочивания данных с помощью их визуализации.

Кажется, все это можно считать достаточным основанием, чтобы сказать: метод извлечения графов тождествен методу структурного анализа, т.е. методу определения строения предмета исследования путем выяснения взаимного расположения в пространстве (реальном или идеальном) составляющих его структурных единиц.

Еще одно пояснение касается синтаксиса ради синтаксиса. При экстенциональном развитии в ущерб интенциональному знаковая система неизбежно теряет либо свойство изоморфности, либо свойство обозримости, либо оба свойства сразу. С этой точки зрения очень хорошо выразился Эдмунд Лич: «Добиваясь элегантности и формальной строгости, наиболее изобретательные ученые, практикующие искусство компонентного анализа, уходят настолько далеко от собственно этнографии, что все эти процедуры в целом утрачивают какую-либо значимость» [Leach 2004. Цит. по: Рид 2012: 101–102].

Слова Лича цитирует Дуайт Рид, чтобы от себя добавить: эффективность формальных методов (т.е. использование специальных знаковых систем. — *П.Б.*) зависит от степени понимания структуры предмета исследования [Рид 2011: 115]. С ним можно трижды согласиться, разумеется, при том условии, что предварительно должен быть верно очерчен сам предмет исследования. В нашем случае это ставит исследователя перед выбором между лингвистикой и этнографией. Все вроде бы хорошо понимают необходимость различения терминов «терминология родства» и «система родства», но дальше заверений обычно дело не идет. Конкурирующие точки зрения по этим вопросам недавно были подробно изложены в ходе дискуссии на страницах журнала «Антропологический форум»¹. В общей форме их можно представить в виде понятий «антропология родства» и «этнография родства». В нашей книге речь пойдет об этнографии родства.

Описанию австралийских систем родства предпослан достаточно обширный раздел, посвященный основным этапам в истории развития теории родства. Исторический экскурс тем более необходим, что состояние исследований в этой области во многом опреде-

¹ См.: Антропологический форум. 2010. № 14 online; 2011. № 15.

ляется логической необязательностью формулировок при характеристике классических, но ныне считающихся устаревшими методов и теорий. По-видимому, бóльшая часть недоразумений возникает из спутанности таких понятий, как «предмет исследования», «объект исследования» и «метод исследования» («способ записи»). Ситуация осложняется еще и тем, что ученые, работающие в конкретных областях науки, весьма редко обращают внимание на противоречия, которые возникают при спонтанном, или неосознанном, использовании категорий «объем» и «содержание» понятий в процессе самоанализа теорий. При этом, кажется, нельзя не заметить некоторое соответствие разделения «объем — содержание понятий» и «предмет — объект исследования».

Последнее замечание касается того, в каком контексте нами используется термин «описание», когда речь идет об изучении австралийских систем родства. Собственно описание этих систем содержится в трудах полевых исследователей. Наша задача — доказательство некоторых «теорем существования», утверждающих, что каждая из широкого круга задач в рамках тех или иных конкретных систем родства имеет решение специального вида — четко определяемый тип классификационного родства. В этом смысле перед нами своего рода лабораторная работа, состоящая из ряда экспериментов, следовательно, не завершение, а начало исследования, требующего массы дополнительных знаний.